

Распространённость алкогольной и наркотической зависимости у осуждённых мужчин с историей синдрома дефицита внимания и гиперактивности в детском возрасте

ПРОНИНА М.Ю.¹
МАСАГУТОВ Р.М.¹
ИСКАНДАРОВ Р.Р.
МУХИТОВА И.Э.

клинический ординатор; тел.: +7(927) 635 7778, e-mail: margaritayur@yandex.ru
д.м.н., профессор; тел.: +7(917) 404 0939, e-mail: masagutov123@mail.ru
главный врач, ООО «Нетокс», Москва; тел.: +7(926) 646 9362, e-mail: redpost27@yandex.ru
врач-психиатр Башкирской Республиканской психиатрической больницы, Уфа;
тел.: +7(965) 945 9423, e-mail: iriska-baby@mail.ru
клинический ординатор; тел.: +7(917) 403 4017, e-mail: insurancereco@mail.ru

БУЙЛОВА Л.В.¹

¹ Башкирский государственный медицинский университет,
кафедра психиатрии и наркологии с курсом последипломного образования, Уфа

Контигент осуждённых мужчин характеризуется высокой распространённостью алкоголизма и наркомании, которая колеблется, по разным данным, от 35 до 45%. Одним из предикторов химических аддикций у мужчин с антисоциальным поведением может быть синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ). Цель данного исследования состояла в оценке распространённости СДВГ, алкогольной и наркотической зависимости у осуждённых мужчин и установлении роли СДВГ в качестве предиктора зависимости от психоактивных веществ (ПАВ). Объект исследования: 750 осуждённых мужчин из двух исправительных колоний г.Уфы. Методы исследования: специально разработанные опросники, шкала самооценки СДВГ в детском и взрослом периодах, опросники алкогольной и наркотической зависимости. Результаты: контингент осуждённых мужчин характеризуется высокой распространённостью «детского типа» СДВГ (26%), алкоголизма (20,3%), наркомании (12,1%) и сочетанной (алкоголизм + наркомания) зависимости от ПАВ (5,1%). Симптомы текущего СДВГ («взрослый тип») наблюдались у 8,3% респондентов. Из наркоманий у обследованных осуждённых мужчин чаще встречалась опиоидная (18%) и каннабиноидная (14%) наркомания. Перенесённый в детском возрасте СДВГ может быть предиктором формирования зависимости от ПАВ у осуждённых мужчин. Значимой связи между «взрослым типом» СДВГ и алкогольной зависимостью не обнаружено; с наркотической зависимостью имеется слабая связь. Ключевые слова: осуждённые, СДВГ, алкоголизм, наркомания

Введение

Согласно данным современных исследований, контингент осуждённых лиц характеризуется высокой распространённостью расстройств, вызванных злоупотреблением ПАВ. По оценкам разных авторов, ПАВ-ассоциированные расстройства в форме зависимости или злоупотребления наблюдаются у осуждённых с частотой от 35 до 45% [11, 13]. Из них 18—30% злоупотребляли алкоголем или имели алкогольную зависимость, а на долю наркотической зависимости приходилось около 28%. При этом распространённость наркомании среди осуждённых сильно варьировала в зависимости от страны, в которой проводилось исследование. Так, например, по данным М. Farrel [6], наркотическая зависимость была выявлена у 42,5% осуждённых в Великобритании, из них 21,9% имели героиновую за-

висимость, 11,3% — зависимость от каннабиноидов, а в Греции, по данным М. Fotiadou [7], 27,5% обследованных осуждённых имели зависимость от опиатов и более 70% — от каннабиноидов. При этом сочетанное злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами наблюдалось у 11—14% осуждённых [6, 7, 11, 13].

Несмотря на крайнюю актуальность этого вопроса, внедрение в пенитенциарной системе специальных терапевтических программ для страдающих алкоголизмом и наркоманией осуждённых — скорее исключение, чем правило. В свою очередь, эффективность проводимых программ во многом зависит от наличия коморбидной патологии и преморбидных факторов риска, одним из которых может быть СДВГ — синдром дефицита внимания с гиперактивностью. В общей популяции СДВГ в детском возрасте встречается у 3—7,5% детей; из них у 30—70% симптомы СДВГ сохраняются во

взрослом периоде. Распространённость СДВГ у взрослых варьирует от 1 до 5% [3], но среди осуждённых лиц она значительно выше. Так, по некоторым данным, от 24 до 67% осуждённых мужчин страдали СДВГ в детском возрасте [10] и от 10 до 60% имели признаки СДВГ на момент обследования [9]. По данным ряда исследователей, СДВГ детского возраста является значимым фактором риска арестов и судимости во взрослом периоде [12, 15, 17].

СДВГ представляет особый интерес в связи с высокой коморбидностью с другими психическими расстройствами, в частности с алкоголизмом, наркоманией и антисоциальным расстройством личности. Почти две трети детей с СДВГ имеют в дальнейшем как минимум один дополнительный диагноз [4]. Исследования ряда зарубежных авторов демонстрируют связь СДВГ и зависимости от ПАВ [1, 5, 12]. Так, M. Ohlmeier сообщает, что 54% пациентов с зависимостью от ПАВ имели диагноз СДВГ в детстве [16]. По мнению J. Biederman, риск зависимости от ПАВ у молодых людей с СДВГ составляет 2,3 ($p=0,009$) для алкоголизма и 2,2 ($p=0,036$) для наркомании [2]. Кроме того, лица, страдающие СДВГ, имеют повышенный риск перехода от злоупотребления к зависимости и от алкоголизма к наркомании [1].

В то же время, связь между СДВГ и злоупотреблением ПАВ часто исчезает, если учитывается наличие коморбидного с СДВГ расстройства поведения (у детей и подростков) или антисоциального расстройства личности (у взрослых), обнаруживаемого у 30—50% пациентов с СДВГ [3, 5]. Предполагается, что расстройство поведения и антисоциальное расстройство личности могут играть роль посредника между СДВГ и криминальной активностью [3, 7, 15].

Согласно некоторым данным, СДВГ и расстройство поведения могут одинаково предсказывать криминальную активность [18]. По другим данным, гиперактивно-импульсивный подтип СДВГ является самостоятельным предиктором злоупотребления ПАВ — даже при учёте расстройства поведения [5]. Таким образом, модель коморбидности СДВГ, химических аддикций, поведенческих и личностных расстройств имеет сложную и не до конца изученную природу. Вероятно, СДВГ и злоупотребление ПАВ имеют общие нейрофизиологические и генетические причины. Известно, например, что при СДВГ нарушена функция префронтальных долей коры головного мозга. При этом поражение их дорсолатеральных зон связано с агрессией, низким самоконтролем и антисоциальным поведением, что характерно также для расстройства поведения и антисоциального расстройства личности [3]. «Центры удовольствия» и связующие их пути также локализованы в лобных долях и лимбической системе. Они богаты дофамином и служат для подкрепления поведения, необходимого для продолжения жизни (например, еда и секс), вызывая естественное чувство удоволь-

ствия при удовлетворении этих потребностей. Однако некоторые мутации генов, связанных с обменом дофамина, приводят к дефициту высвобождения медиатора в этих центрах, вынуждая индивида на поиск дополнительной стимуляции, которую часто оказывают алкоголь, наркотики, чрезмерная сексуальная активность и рискованное поведение [3]. Таким образом, высокую коморбидность СДВГ, расстройств поведения и зависимости от ПАВ можно отчасти объяснить тем, что для них имеются общие гены либо некоторые обуславливающие их гены сцеплены [3].

Коморбидность СДВГ и химических аддикций ухудшает прогноз и снижает эффективность терапии зависимости вследствие преждевременного прекращения курса лечения [14]. Тем не менее, своевременная диагностика, адекватное лечение детей группы риска по СДВГ и применение специальных профилактических программ позволяют снизить вероятность развития у них алкоголизма и наркомании в будущем [1, 3].

Цель данного исследования состояла в оценке распространённости СДВГ, алкогольной и наркотической зависимости у осуждённых мужчин и установлении роли СДВГ в качестве предиктора зависимости от ПАВ.

Объект и методы исследования

Объектом исследования стали 750 осуждённых мужчин, отобранных методом случайной выборки из контингента исправительных колоний №9 и №10 г.Уфы.

Проверялись две гипотезы:

1) у осуждённых мужчин с историей СДВГ в детском возрасте распространённость алкогольной или наркотической зависимости окажется выше;

2) «детский тип» СДВГ является предиктором злоупотребления ПАВ во взрослом периоде у осуждённых мужчин.

Методы исследования: анамнестические и клинико-психопатологические данные были собраны с помощью анкетирования. Кроме того, были использованы:

1) русскоязычная версия шкалы самооценки СДВГ взрослых (ASRS, Adult ADHD Self-Report Scale) — 18-вопросного теста;

2) диагностические опросники для выявления алкогольной и наркотической зависимости на основе критериев МКБ-10 и DSM-IV;

3) опросник самооценки СДВГ в детстве на основе критериев DSM-IV.

Регистрация данных и расчёт статистических показателей проводились с использованием программы Microsoft Excel. В оценке СДВГ как фактора риска применялся статистический показатель отношения шансов (odds ratio — OR). Достоверность рассчитывалась по доверительным интервалам (confident interval — CI) методом Woolf.

Результаты и обсуждение

Анамнестическим диагностическим критериям СДВГ в детском возрасте соответствовало 195 осуждённых (26%). Из них у 62 чел. (8,3% выборки или 31,8% проявивших СДВГ в детстве) симптомы СДВГ сохранялись на момент обследования. Анализ распространённости отдельных подтипов СДВГ, обычно выделяемых в литературе, показал следующее.

«Невнимательный» подтип наблюдался у 33,3% осуждённых с СДВГ, «гиперактивно-импульсивный» — у 28,7%, «комбинированный» подтип СДВГ — у 37,9% (рис. 1).

Зависимостью от какого-либо вида ПАВ страдал 281 осуждённый (37,5%). Из них 152 чел. (20,3% всей выборки или 54,1% зависимых) страдали алкоголизмом, 91 чел. (12,1% или 32,4% соответственно) — наркоманией и 38 чел. (5,1% или 13,5% соответственно) — сочетанной зависимостью от алкоголя и наркотических веществ. У 177 осуждённых (23,6% обследованных) был выявлен высокий риск зависимости: алкогольной — у 145 чел. (19,3%), наркотической и сочетанной — у 32 чел. (4,3%). При этом чаще всего у осуждённых выявлялась зависимость от опиатов (17,6% выборки), преимущественно героиновая (11,6%). Каннабиноидная зависимость также оказалась довольно распространённой (14,4%). Зависимость от психостимуляторов и кокаина в сумме составляла 1,34%, от галлюциногенов — всего 0,27%. На рис. 2 отражена структура расстройств, связанных с употреблением ПАВ.

Среди мужчин, имевших в детстве симптомы СДВГ (195 чел.), зависимость от ПАВ наблюдалась у 123 чел. (63,1%), включая алкогольную зависимость (72 чел., 36,9%), наркотическую (33 чел., 16,9%) и сочетанную (18 чел., 9,2%). Структура коморбидности химических аддикций и СДВГ показана на рис. 3.

Для оценки СДВГ как фактора риска формирования химических аддикций мы использовали отношение шансов OR с доверительным интервалом 95%. Как и ожидалось, «детский» СДВГ у осуждённых мужчин оказался фактором риска для формирования у них зависимости от любого типа ПАВ ($OR=4,29\pm 1,41$; $CI\ 95\%$): в большей степени для алкогольной зависимости ($OR=3,48\pm 1,45$; $CI\ 95\%$), и в меньшей — для наркотической и сочетанной ($OR=2,17\pm 1,49$; $CI\ 95\%$) (табл. 1).

Доля коморбидных расстройств была неодинаковой для разных подтипов СДВГ. Так, «невнимательный» подтип СДВГ отягощался алкоголизмом в 41,5%, а наркоманией или сочетанной зависимостью — в 21,5% случаев ($t=2,51$; $p=0,02$). Для «гиперактивно-импульсивного» и «комбинированного» подтипов различие между алкоголизмом и наркоманией или сочетанной зависимостью оказалось статистически незначимым: 33,9% vs. 25,0% ($t=1,04$; $p>0,05$) и 35,1% vs. 31,1% ($t=0,52$; $p>0,05$) соответственно.

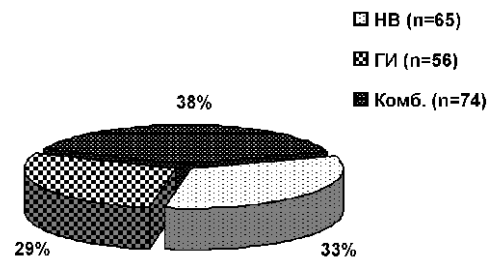

Рис. 1. Структура СДВГ в детстве по DSM-IV: невнимательный (HV); гиперактивно-импульсивный (ГИ); комбинированный (Комб.) подтипы (%)

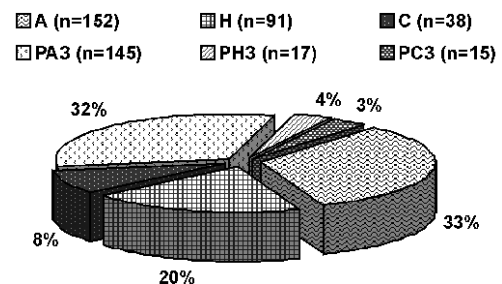

Рис. 2. Структура ПАВ-ассоциированных расстройств: алкоголизм (А); наркомания (Н); сочетанная зависимость (С); высокий риск алкогольной зависимости (ПА3), наркотической (РНЗ) и сочетанной зависимости (РСЗ), %

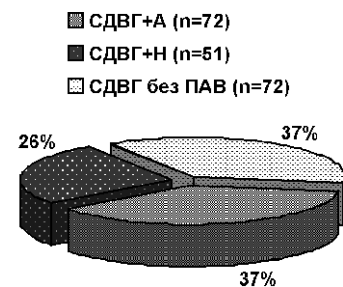

Рис. 3. Структура коморбидности химических аддикций и СДВГ у осуждённых мужчин: СДВГ+А — сочетание с алкоголизмом; СДВГ+Н — сочетание с наркоманией

Как уже отмечалось, в 30—70% случаев симптомы СДВГ сохраняются и во взрослом периоде [3]. С учётом этого мы провели оценку влияния «взрослого типа» СДВГ на риск развития зависимости от ПАВ. Обнаруженная связь оказалась слабее по сравнению с «детским типом» СДВГ, хотя и оставалась значимой для зависимости от любого вида ПАВ ($OR=2,33\pm 1,69$; $CI\ 95\%$), а также для наркотической и сочетанной зависимости ($OR=1,94\pm 1,81$; $CI\ 95\%$). При этом связь между «взрослым типом» СДВГ и алкогольной зависимостью была статистически незначимой ($OR=1,69\pm 1,79$; $CI\ 95\%$) (табл. 2).

Далее, чтобы проверить, остаётся ли СДВГ детского возраста предиктором зависимости от ПАВ независимо от наличия его симптомов во взрослом периоде, мы рассчитали отношения шансов для «детского типа» СДВГ

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАРКОЛОГИИ

при условии отсутствия «взрослого типа» СДВГ. Влияние «детского» СДВГ на ПАВ-ассоциированные расстройства оставалось значимым ($OR=4,30\pm 1,46$; $3,62\pm 1,26$; $1,89\pm 0,71$ для зависимости от любого вида ПАВ, алкогольной, наркотической и сочетанной зависимости соответственно; CI 95%) (табл. 3).

Таким образом, по результатам исследования можно сделать несколько выводов.

Во-первых, контингент осуждённых мужчин характеризуется довольно высокой распространённостью «детского типа» СДВГ (26%), алкоголизма (20,3%), наркомании (12,1%) и сочетанной (алкоголизм + наркомания) зависимости от ПАВ (5,1%). Из видов наркоманий у обследованного контингента осуждённых мужчин

чаще встречаются опи́йная/героиновая (17,6/11,6%) и каннабиноидная (14,4%) наркомания.

Сходные данные о распространённости у осуждённых мужчин «детского типа» СДВГ в анамнезе приводят и другие авторы [10]. При этом обнаруженная нами распространённость «взрослого» СДВГ у осуждённых мужчин (8,3%) оказалась ниже, чем по данным других авторов (16—60% — W. Retz et al., 2004; F.L. Coolidge, 2009; E. Einarsson et al., 2009). Обнаруженные различия могут объясняться различными инструментами, используемыми в диагностике СДВГ. Так, указанные авторы использовали диагностические критерии DSM-IV либо шкалу Wender-Utah, в то время как в данном исследовании применялся тест самооценки СДВГ взрослых (ASRS).

Таблица 1

Связь СДВГ детского типа и зависимости от ПАВ (отношение шансов)

Зависимость		Наличие СДВГ (195 чел.)	Отсутствие СДВГ (555 чел.)	OR	CI 95%	χ^2	p
От любого вида ПАВ	+	123 (63,1%)	158 (28,5%)	4,29	$\pm 1,41$	72,30	0,0005
	Всего	72 (36,9%) 195 (100%)	397 (71,5%) 555 (100%)				
Алкогольная	+	72 (36,9%)	80 (14,4%)	3,48	$\pm 1,45$	43,86	0,0005
	Всего	123 (63,1%) 195 (100%)	475 (85,6%) 555 (100%)				
Наркотическая и сочетанная	+	51 (26,2%)	78 (14,1%)	2,17	$\pm 1,49$	13,30	0,0008
	Всего	144 (73,8%) 195 (100%)	477 (85,9%) 555 (100%)				

Таблица 2

Связь «взрослого типа» СДВГ и зависимости от ПАВ (отношение шансов)

Зависимость		Наличие СДВГ (62 чел.)	Отсутствие СДВГ (688 чел.)	OR	CI 95%	χ^2	p
От любого вида ПАВ	+	35 (56,5%)	246 (35,8%)	2,33	$\pm 1,69$	9,53	0,003
	Всего	27 (43,5%) 62 (100%)	442 (64,2%) 688 (100%)				
Алкогольная	+	18 (29%)	134 (19,5%)	1,69	$\pm 1,79$	2,65	>0,05
	Всего	44 (71%) 62 (100%)	554 (80,5%) 688 (100%)				
Наркотическая и сочетанная	+	17 (27,4%)	112 (16,3%)	1,94	$\pm 1,81$	4,21	0,040
	Всего	45 (72,5%) 62 (100%)	576 (83,7%) 688 (100%)				

Таблица 3

Связь «детского типа» СДВГ и зависимости от ПАВ при условии отсутствия «взрослого типа» СДВГ (отношение шансов)

Зависимость		Наличие СДВГ (133 чел.)	Отсутствие СДВГ (617 чел.)	OR	CI 95%	χ^2	p
От любого вида ПАВ	+	88 (66,2%)	193 (31,3%)	4,30	$\pm 1,46$	55,35	0,0005
	Всего	45 (33,8%) 133 (100%)	424 (68,7%) 617 (100%)				
Алкогольная	+	54 (40,6%)	98 (15,9%)	3,62	$\pm 1,26$	39,86	0,0005
	Всего	79 (59,4%) 133 (100%)	519 (84,1%) 617 (100%)				
Наркотическая и сочетанная	+	34 (25,6%)	95 (15,4%)	1,89	$\pm 0,71$	7,24	0,008
	Всего	99 (74,4%) 133 (100%)	522 (84,6%) 617 (100%)				

Данные о распространённости алкогольной зависимости по нашей выборке (20,3%) в целом соответствовали данным других авторов. Так, например, М. Lukaszewicz [13] сообщает, что 18,4% осуждённых мужчин страдали алкоголизмом. При этом распространённость наркомании по нашей выборке оказалась ниже, чем у других авторов (28—42,5% [6, 13]). Осуждённые мужчины в нашей выборке страдали преимущественно героиновой и каннабиноидной зависимостью, что совпадало с данными других авторов [6, 7, 13]. Распространённость злоупотребления кокаином и психостимуляторами оказалась ниже, чем, например, по данным М. Farrel [6] в его исследовании, проведённом на выборке осуждённых мужчин в Англии. Обнаруженные различия отражают общие тенденции в распространённости на территории России определённых видов наркотических средств, что отчасти объясняется высокой ценой, например, кокаина.

Во-вторых, история СДВГ детского возраста у осуждённых мужчин, по-видимому, повышает риск формирования зависимости от любого вида ПАВ, причём в большей степени алкогольной, и в меньшей степени наркотической и сочетанной. Эти результаты совпадают с данными других авторов [2, 5, 16]. В то же время, по нашим данным, риск развития аддиктивного поведения не зависит от хронизации симптомов «детского» СДВГ и перехода его во «взрослую» форму. Связь между СДВГ и химическими аддикциями обычно интерпретируется с точки зрения определённой генетической общности этих расстройств. Возможно также, что их связь опосредована другими факторами, например склонностью к риску, острым ощущением и недостаточностью самоконтроля у пациентов с СДВГ. Ранняя диагностика СДВГ, соответствующее лечение и разработка специальных превентивных программ для детей группы риска помогут уменьшить вероятность неблагоприятного исхода в зрелом возрасте.

Список литературы

1. Biederman J., Wilens T.E., Mick E., Faraone S.V., Spencer T. Does attention-deficit hyperactivity disorder impact the developmental course of drug and alcohol abuse and dependence? // *Biological Psychiatry*. — 1998. — Vol. 44, №4. — P. 269—273.
2. Biederman J., Monuteaux M.C., Mick E., Spencer T., Wilens T.E., Silva J.M., Snyder L.E., Faraone S.V. Young adult outcome of attention deficit hyperactivity disorder: a controlled 10-year follow-up study // *Psychological Medicine*. — 2006. — Vol. 36. — P. 167—179.
3. Comings D.E., Chen T.J.H., Blum K., Mengucci J.F., Blum S.H., Meshkin B. Neurogenetic interactions and aberrant behavioral co-morbidity of attention deficit hyperactivity disorder (ADHD): dispelling myths // *Theoretical Biology and Medical Modelling*. — 2005. — Vol. 2, №50. — P. 1742—4682.
4. Elia J., Ambrosini P., Berrettini W. ADHD characteristics: I. Concurrent co-morbidity patterns in children & adolescents //

Child. Adolesc. Psychiatry Ment. Health. — 2008. — Vol. 2, №1. — P. 15.

5. Elkins I.J., McGue M., Iacono W.G. Prospective Effects of Attention-Deficit / Hyperactivity Disorder, Conduct Disorder, and Sex on Adolescent Substance Use and Abuse // *Arch. Gen. Psychiatry*. — 2007. — Vol. 64, №10. — P. 1145—1152.

6. Farrel M., Boys A., Bebbington P. Psychosis and drug dependence: results from a national survey of prisoners // *British Journal of Psychiatry*. — 2002. — Vol. 181. — P. 393—398.

7. Fotiadou M., Livaditis M., Manou I., Kaniotou E., Samakouri M., Tzavaras N., Xenitidis K. Self-reported substance misuse in Greek male prisoners // *Eur. Addict. Res.* — 2004. — Vol. 10. — P. 56—60.

8. Fridell M., Hesse M., Billsten J. Criminal behavior in antisocial substance abusers between five and fifteen years follow-up // *American Journal on Addictions*. — 2007. — Vol. 16. — P. 10—14.

9. Ghanizadeh A., Reza M.M., Akhondzadeh S., Hossein S.-Z. Attention Deficit Hyperactivity Disorder in Imprisoned Individuals — a Review // *Psychiatria Danubina*. — 2011. — Vol. 23, №2. — P. 139—144.

10. Gudjonsson G.H., Sigurdsson F.J., Young S., Newton A.K. Attention Deficit Hyperactivity Disorder (ADHD). How do ADHD symptoms relate to personality among prisoners? // *Personality and Individual Differences*. — 2009. — Vol. 47. — P. 64—68.

11. Kubiak S.P., Arfken C.L., Swartz J.A. Treatment at the front end of the criminal justice continuum: the association between arrest and admission into specialty substance abuse treatment // *Subst. Abuse Treat. Prev. Policy*. — 2006. — 1. — P. 20.

12. Langley K., Fowler T.A., Ford T., Thapar A.K., van den Bree M.B.M., Harold G.T., Owen M.J., O'Donovan M.C., Thapar A. Adverse clinical outcomes for young people with attention-deficit hyperactivity disorder // *The British Journal of Psychiatry*. — 2010. — Vol. 196. — P. 235—240.

13. Lukaszewicz M., Falissard B., Michel L., Neveu X., Reynaud M., Gasquet I. Prevalence and factors associated with alcohol and drug-related disorders in prison: a French national study // *Subst. Abuse Treat. Prev. Policy*. — 2007. — 2. — P. 1.

14. McAweeney M.J., Huddleston C., Rogers N., Gentile J., Moore D. Symptom prevalence in a community residential substance abuse treatment program // *Journal of Attention Deficits*. — 2009. — Vol. 59, №2. — P. 188—223.

15. Mannuzza S., Klein R.G., Konig P.H., Giampino T.L. Hyperactive boys almost grown up. IV. Criminality and its relationship to psychiatric status // *Arch. Gen. Psychiatry*. — 1989. — Vol. 46. — P. 1073—1079.

16. Ohlmeier M.D., Peters K., Wildt B.T.T., Zedler M., Ziegenbein M., Wiese B., Emrich H.M., Schneider U. Comorbidity of alcohol and substance dependence with attention-deficit/hyperactivity disorder (ADHD) // *Alcohol*. — 2008. — Vol. 43. — P. 300—304.

17. Satterfield J.H., Schell A. A prospective study of hyperactive boys with conduct problems and normal boys: adolescent and adult criminality // *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry*. — 1997. — Vol. 36. — P. 1726—1735.

18. Simonoff E., Elander J., Holmshaw J., Pickles A., Murray R., Rutter M. Predictors of antisocial personality. Continuities from childhood to adult life // *The British Journal of Psychiatry*. — 2004. — Vol. 184. — P. 118—127.

THE PREVALENCE OF ALCOHOL AND DRUG ABUSE AMONG CONVICTED MALE WITH A HISTORY OF ATTENTION DEFICIT DISORDER AND HYPERACTIVITY IN CHILDHOOD

PRONINA M.Ju., MASAGUTOV R.M., ISKANDAROV R.R., MUKHITOVA I.E., BUYLOVA L.V.